

З. Л. Новоженова, Н. А. Пробст

К ВОПРОСУ О РЕЧЕАКТОВОЙ ПРИРОДЕ ВЕРБАЛЬНОЙ УГРОЗЫ

Описываются существующие в современной отечественной и зарубежной научной литературе подходы к исследованию вербальной угрозы. Рассматривается сущность последней с точки зрения теории речевых актов. Устанавливаются основные содержательные компоненты высказываний со значением угрозы, выявляются ключевые отличия речевых актов угрозы от представителей класса комиссивных актов. Делается вывод о том, что речевой акт угрозы является синтетической речеактовой структурой с ядерным директивным и вспомогательным комиссивным компонентами.

31

In this article, we describe approaches to studying the verbal threat, which exist in the recent Russian and international research literature. We examine the essence of the verbal threat from the perspective of speech act theory. We identify the major content-related components of utterances containing threats and explain how they differ from commissive acts. We conclude that the speech act of threat is a synthetic speech-act structure, whose core element is directive and whose auxiliary element commissive.

Ключевые слова: теория речевых актов, речевой акт угрозы, комиссив, директив.

Keywords: speech act theory, speech act of threat, commissive, directive.

Речевые акты угрозы, как известно, приравниваются различными исследователями к речевым действиям табуированного характера и характеризуются как целенаправленно деструктивное поведение: [1; 6; 14; 15; 17]. Речевой акт угрозы (далее – РАУ) достаточно серьезно исследовался в научной литературе, посвященной проблемам прагмалингвистики. В рамках этого направления получил рассмотрение целый комплекс вопросов, связанных, например, с такими явлениями, как прагматическая природа речевого акта угрозы [5; 6; 12; 16], дискурсивные практики использования речевого акта угрозы [8; 10], различные речевые тактики и стратегии его применения [11].

Вместе с тем единого и общепринятого взгляда на коммуникативную и функционально-семантическую природу угрозы, насколько мы можем судить, до сих пор не существует. Во многом это определяется своеобразием данного речевого акта, связанным с невозможностью его перформативного оформления [22, с. 7; 4, с. 70].

Частично вопрос о речеактовой специфике РАУ был рассмотрен нами ранее [18], однако в данной статье мы останавливаемся на нем более подробно.

Анализ научных отечественных и зарубежных работ, посвященных вопросам функционирования конструкций со значением угрозы (либо

функционально и содержательно близких им актов), позволяет сделать вывод о том, что, как правило, их функционально-содержательный план дифференцируется в соответствии с двумя значениями:

1) комиссивное значение, реализующееся посредством взятия говорящим обязательства осуществить то или иное небенефактивное для слушающего действие [5; 9; 13; 21];

2) каузативное (директивное) значение, реализующееся в стремлении говорящего принудить слушающего к совершению определенного действия или, наоборот, бездействию, факт чего может иметь для реципиента неблагоприятные последствия [2; 3; 7; 8].

На основании того факта, что угроза в обязательном порядке предполагает наличие обещания (как правило, крайне неприятного для слушающего) совершить некое действие, многие ученые предлагают относить РАУ наряду с актом обещания к классу комиссивов.

При рассмотрении вопроса о статусе РАУ в существующей системе теории коммуникации и речевых актов мы придерживаемся мнения, что вопрос отнесения РАУ к какому-то одному из классов речевых актов – комиссивному или директивному – является проблематичным. В качестве иллюстрации данного тезиса приведем следующий текстовый фрагмент:

Колька побелел, схватил топорик, каким мясо рубят, пошел на тестя, на жену и на тещу. Негромко, но убедительно сказал:

– Если не прекратите орать, я вас всех, падлы... Всех уложу здесь! (Шукшин В. Жена мужа в Париж провожала [24, с. 666]).

Фраза Кольки, очевидно представляющая собой РАУ (*Если не прекратите орать, я вас всех, падлы...*), содержит и требование изменить свое поведение, и четкое – недвусмысленно подкрепленное наличием в руках оружия – обещание физической расправы в случае неповиновения. Обе эти составляющие логически взаимосвязаны и в смысловом отношении неразделимы: без озвучивания перспективы «укладывания» (и демонстрации готовности ее реализовать) директив Кольки, скорее всего, останется без внимания; без вербализации требования успокоиться обещание «всех положить» превращается в акт не вполне целесообразной агрессии.

Представляется целесообразным дифференцировать акт угрозы и комиссивные речевые акты вроде обещания или предупреждения. Мы считаем возможным выделить здесь три ключевых отличия:

1. Исполнитель озвучиваемого или подразумеваемого действия. Вслед за Дж. Сёрлем мы полагаем, что «комиссивы представляют собой те иллюкутивные акты, назначение которых состоит в том, чтобы обязать говорящего (опять же в той или иной степени) к каким-то будущим действиям»¹ [22, р. 14], то есть в фокусе соответствующих речевых актов находится **адресант сообщения**, который обязуется совершить некое действие или вести себя определенным образом. В то же время угроза – даже при формальном отсутствии директивной со-

¹ Здесь и далее перевод с английского наш.

ставляющей — в подавляющем большинстве случаев нацелена на **адресата сообщения**: слушающий обязан тем или иным образом действовать или придерживаться угодной говорящему линии поведения.

2. Доминантный характер манипулятивного аспекта в коммуникативно-содержательном плане РАУ. Безусловно, и комиссивные речевые акты могут являться лишь способом манипуляции собеседником, при котором обещание говорящего совершить то или иное действие вовсе не предполагает соответствующего намерения. Так, например, тетя Тамара в рассказе В. Драгунского «Старый мореход», обещая Дениске подарить настоящую буденновскую саблю, в принципе не собирается претворять это обязательство в жизнь; ее цель — здесь и сейчас добиться расположения мальчика, заставить его простить нанесенную ему ранее обиду (кстати, тоже связанную с неисполнением тетей своих обещаний). Однако в случае с актом угрозы коммуникативная цель комиссивного акта — взятие на себя обязательства выполнить что-то — будет, по сути, ложной. Как отмечает в этой связи О.Н. Новоселова, «совершение менасивных действий автором угрозы не является исключительно его коммуникативной интенцией, ибо, используя угрозу как акт побуждения под действием наказания, говорящий желает воздействовать... на его [собеседника] эмоциональное состояние с целью каузировать данного собеседника совершить определенные действия» [8, с. 10]. Справедливо в этой связи и замечание Ф. Николоффа: «Вербально реализованная угроза кому-либо может быть представлена в следующем виде: Г (говорящий) сообщает А (адресату) нечто такое, чтобы заставить А думать, будто Г собирается причинить вред А, с целью: а) напугать А; б) заставить тем самым А поступать в соответствии с желаниями Г. Это весьма исчерпывающее описание вербальной угрозы, достаточно широкое для того, чтобы охватить как прямые, так и скрытые угрозы» [16, р. 503]. То есть в большинстве случаев словесное взятие на себя неких неприятных для слушающего обязательств будет лишь средством обеспечения его готовности подчиниться воле говорящего. Более того, очень часто для последнего приведение в исполнение озвученной угрозы заведомо является проигрышным коммуникативным шагом. Во-первых, переход к исполнению подразумевает провал попытки манипуляции, успешный результат которой представляет для продуцента угрозы гораздо большую ценность, нежели нанесение адресату какого-либо ущерба. Так, например, шантажист — за редким исключением — заинтересован не в разрушении благополучия своей жертвы, а в получении от нее неких выгод в качестве платы «за молчание»; реализация же угрозы ничего, кроме морального удовлетворения, ему дать не может. Во-вторых, исполнение угрозы нередко связано с вероятности неудачи и дальнейших негативных последствий для продуцента РАУ. Более того, негативные последствия возможны даже в случае конечного успеха реализации озвучиваемого или подразумеваемого наказания для реципиента «за непослушание». Очевидно, что вооруженному пистолетом грабителю будет выгоднее получить от жертвы требуемые материальные ценности, чем снимать их с бездыханного тела. В случае если ему придется реализовать свою угрозу застрелить «клиента», возможен дополнительный шум, способный привлечь к преступлению

явно лишнее в такой ситуации внимание окружающих (а значит, может потребоваться срочно ретироваться, не успев обыскать жертву); наказание же в случае последующей поимки преступника, очевидно, будет гораздо более суровым, чем если бы речь шла просто об ограблении.

3. Принципиальная небенефактивность РАУ. Если комиссив может содержать информацию о положительных или нейтральных (речевой акт обещания), а также отрицательных (речевой акт предупреждения) для слушающего действиях, которые планирует сделать говорящий, то угроза по определению предполагает только негативные для реципиента перспективы. Как отмечает в этой связи С. Сами, рассуждая о комиссивном РА обещания, «если слушающий хочет, чтобы говорящий совершил некое действие, обещание является “истинным”; если же слушающий не желает, чтобы говорящий сделал нечто, обещания является угрозой» [20, р. 49].

При рассмотрении вопроса об отличии угрозы от обычного комиссивного РА необходимо отметить следующий факт. Существует множество примеров, когда озвучиваемая говорящим угроза формально представляет собой «чистый» комиссив, то есть обещание совершить некое действие, ориентированное на причинение реципиенту речи какого-либо вреда: «Ау-у! — еще спел Серега. — А я вас счас буду убивать» (Шукшин В. Беспалый [24, с. 715]), «Боксер, да? Иди, я те по-русски закатаю...» (Шукшин В. Танцующий Шива [24, с. 49]), «А вот мы счас милицию! А вот мы счас милицию вызовем!..» (Шукшин В. Жена мужа в Париж провожала [24, с. 666]). В приведенных примерах на первый взгляд отсутствует директивная составляющая, предполагающая, что реципиент высказывания должен совершить какое-либо действие, — сообщается лишь о действии, которое планирует совершить сам говорящий. Однако императивный посыл у таких речевых актов просто несколько менее «прямолинеен». Следует полагать, что в подобных случаях речь идет, по сути, о попытке манипулировать эмоционально-психологическим состоянием реципиента речи, стремлении запугать его, навязать ему роль жертвы, подавить волю к сопротивлению. Говоря образно, побудительную интенцию такого рода высказываний можно выразить в виде приказа «Бойся!». Цели их продуцирования могут различаться. Самая очевидная — использование формируемого посредством подобных высказываний состояния подавленности и страха для последующей реализации стратегии подчинения. Некоторые исследователи указывают на другую целевую установку таких «недирективных» угроз — утверждение своей силы, власти над говорящим: «В качестве типичного примера можно привести ситуацию, когда хулиган озвучивает примитивные угрозы всего лишь с целью похвастаться или продемонстрировать свою силу, не предпринимая каких-либо действий для доказательства реципиенту реальности такой угрозы» [19, р. 216]. Возможен и другой вариант, о котором также говорит Е. Сальгуйэро, а именно использование РАУ как части возмездия слушающему за что-либо. Так, упоминание в соответствующем речевом акте действий, нацеленных на наказание реципиента речи, представляет собой попытку заставить слушающего испытывать мучения, связанные с ожиданием реализации угрозы [Ibid.].

Сложность отнесения РАУ к какому-то одному классу речевых актов уже отмечалась лингвистами. Так, Д.О. Жучков предлагает рассматривать менасивные высказывания, объединяющие в себе иллюкутивные черты комиссивов и директивов, как комплексные речевые акты, которые представляют собой косвенное средство реализации побуждения [4]. Считая дискуссионным тезис о косвенности угрозы как инструмента реализации побудительной интенции, мы, однако, полностью разделяем мнение данного исследователя о комплексной структуре таких высказываний. Более того, мы полагаем, что и комиссивный, и собственно побудительный аспект РАУ являются неотъемлемыми элементами содержательного плана любого такого акта. В случае фактического отсутствия в семантическом поле рассматриваемых конструкций одного из названных элементов данный акт, по сути, превращается либо в обычный директивный (прескриптивный), либо в комиссивный речевой акт. Иными словами, можно говорить о двухчастной содержательной парадигме речевого акта угрозы: первая часть — императив, вторая — обещание карательных санкций.

Таким образом, на основании всего сказанного можно заключить, что речевой акт угрозы исходя из ее функциональной направленности следует рассматривать как комплексный по своей содержательной структуре речевой акт (синтетическую речеактовую структуру) с выраженной директивной основой. Соответственно, комиссивный аспект акта угрозы играет вспомогательную роль: это лишь инструмент для реализации главной интенции — побудительной. При этом термин «побудительный» мы в данном случае понимаем в широком плане — как обозначающий не только инструмент принуждения собеседника сделать что-то, но и инструмент желательной для говорящего корректировки его поведения, управления его эмоциональным состоянием.

Список литературы

1. Апресян В.Ю. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М., 2003. С. 32–35
2. Вендлер З. Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып.16. С. 238–251.
3. Вежбицка А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16. С. 43–65.
4. Жучков Д.О. К вопросу об определении и классификационной принадлежности речевого акта угрозы // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. №2. С. 69–71.
5. Жучков Д.О. Речевой акт угрозы как объект прагмалингвистического анализа : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2010.
6. Мартынова И.А. Функционально-прагматическое поле менасивных речевых актов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2006.
7. Маслова А.Ю. Введение в прагмалингвистику : учеб. пособие. М., 2010.
8. Новоселова О.В. Функционально-семантическая характеристика дискурсивных практик со значением угрозы в английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2013.
9. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М., 2001.

10. Романов А.А., Новоселова О.В. Прагматически обусловленные меназивные высказывания кандидатов на пост президента РФ и РБ // Инновационные подходы к развитию науки и производства регионов : сб. науч. тр. Тверь, 2019. С. 398–400.

11. Чесноков И.И. Дискурсивная тактика угрозы: косвенные формы объективации (предупреждения) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. №2 (97). С. 132–138.

12. Энштейн О.В. Косвенный речевой акт угрозы в политическом дискурсе (на материале английского языка) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11, №4 (5). С. 1337–1343.

13. Austin J.L. *How to Do Things with Words*. Oxford, 1962.

14. Brown P., Levinson S. *Politeness: Some universals in language usage*. Cambridge, 1987. P. 56–311.

15. Leech G.N. *Principles of Pragmatics*. L., 1983.

16. Nicoloff F. Threats and Illocutions // *Journal of Pragmatics*. 1989. Vol. 13, iss. 4. P. 501–522.

17. Ohm E., Thompson V. Everyday reasoning with inducements and advice // *Thinking and Reasoning*. 2004. Vol. 10, №3. P. 241–272.

18. Probst N., Shkapenko T., Tkachenko A., Chernyakov A. Speech act of threat in everyday conflict discourse: production and perception // *Lege Artis*. 2018. Т. 3, №2. P. 204–250.

19. Salgueiro A.B. Promises, threats, and the foundations of speech act theory // *Pragmatics*. 2010. Vol. 20, iss. 2. P. 213–228.

20. Sami S. The Differences between Threat and Promise Acts // *International Research Journal of Humanities and Social Science*. 2015. Vol. 7, iss. 3. P. 46–53.

21. Searle J.R. *A taxonomy of illocutionary acts* // *Language, Mind and Knowledge*. Minneapolis, 1975. Vol. 7. P. 344–369.

22. Searle J.R. *Expression and Meaning*. Cambridge, 1979.

23. Драгунский В. Денискины рассказы. М., 2012.

24. Шукиин В. Полн. собр. рассказов. М., 2012.

Об авторах

Зоя Леонидовна Новоженова – д-р филол. наук, проф., Гданьский университет, Польша.

E-mail: zln@02.pl

Никита Артурович Пробст – канд. филол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: NProbst@kantiana.ru

The authors

Prof. Zoya L. Novozhenova, University of Gdansk, Poland.

Email: zln@02.pl

Dr Nikita A. Probst, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: NProbst@kantiana.ru